

Евгений Лукин

Алая аура протопарторга

*Часть сборника
Алая аура протопарторга
(сборник)*

Лыцк, Баклужино, Суслов

Евгений Лукин

Алая аура протопарторга

«Автор»

2000

Лукин Е. Ю.

Алая аура протопарторга / Е. Ю. Лукин — «Автор»,
2000 — (Лыцк, Баклужино, Суслов)

«А вот любопытно, жилось ли когда-нибудь сладко русскому домовому? Ой, нет... Разве что до Крещения Руси, но о тех замшелых временах никто уже и не помнит – столько даже домовые не живут. При царе попы зверствовали: нагрянет гривастый с кадилом, всю избу ладаном отравит, углы святой водой пометит – из вредности, а от неё шёрстка портится и сила пропадает... Спасибо советской власти: постреляли извергов, посажали, а те, что убереглись, тихие стали, безвредные...»

© Лукин Е. Ю., 2000

© Автор, 2000

Содержание

Глава 1. Анчутка,	6
Глава 2. Историческая справка,	14
Глава 3. Глеб Портнягин,	17
Глава 4. Николай Выверзнев,	26
Глава 5. Африкан,	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Евгений Лукин

Алая аура протопарторга

© Лукин Е. Ю.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

С каким наслаждением перевешал бы я всех политиков, не будь это политической акцией!

Великий Нгуен

Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?

Не войском, нет, не польскою подмогой,

А мнением: да! мнением народным.

Александр Пушкин

Глава 1. Анчутка, возраст неизвестен, беженец

А вот любопытно, жилось ли когда-нибудь сладко русскому домовому? Ой, нет... Разве что до Крещения Руси, но о тех замшелых временах никто уже и не помнит – столько даже домовые не живут.

При царе попы зверствовали: нагрянет гривастый с кадилом, всю избу ладаном отравит, углы святой водой пометит – из вредности, а от неё шёрстка портится и сила пропадает... Спасибо советской власти: постреляли извергов, посажали, а те, что убереглись, тихие стали, безвредные.

Ну, думали, заживём... Куда там! При Луначарском-то оно вроде бы и ничего было, а вот как передали всю нечистую силу из Наркомпроса в НКВД – мать моя кикимора! Такое началось! До сих пор совестно: хозяев, бывало, сдавать приходилось.

Ничего, перетерпели, обвыклись. Опять же оттепель подкатила хрущёвская. Чем не жизнь? Главное: от календарика отрывного по красным дням держись подальше и под пионерский салют как-нибудь там случайно не влети... Ох, люди, люди! И надо же им было опять всё вверх дном перепрокинуть! Зла не хватает...

Анчутка заставил себя отвлечься от скорбных раздумий – и огляделся. Кругом сиял разлив. Вода и суша лежали, можно сказать, на одном уровне, так что оставалось лишь гадать, почему вон тот участок затоплен, а этот, к примеру, нет.

А ведь придётся возвращаться – явно забрёл не туда: вода с трёх сторон, брода не видать, мостка – тем более. Умей Анчутка плавать... Но плавать Анчутка не умел. Как и всякий порядочный домовый, об этой таинственной способности он и думать не мог без содрогания.

Тихонько вздохнул и заковылял обратно. Привыкши к плоским поверхностям людских жилищ, Анчутка горестно дивился почве, через каждые пять шагов обязательно подстраивающей какую-нибудь каверзу: то рытвину подложит, то хворостину...

Вообще дикая природа вела себя враждебно и насмешливо.

Вдобавок выяснилось, что вне человеческого жилья нехитрое Анчуткино колдовство полностью утрачивает силу: невидимкой – и то не пройдёшь. Он понял это ещё в черте города, когда, пробираясь через кустарники, услышал изумлённый мальчишеский возглас:

– Йех! Гля, какой котяра крутой!..

В другой бы раз Анчутка обиделся...

Теперь для полного счастья не хватало только нарваться на кого-нибудь из леших, с которыми домовые враждовали издавна. То-то было бы им радости обойти родственничка, чтобы вдоволь наплутался, фрайер городской, в трёх соснах... Да, но ведь он и так уже плутает.

Внезапно на округу лёг плотный натужный гул турбин. Над поймой, содрокая и морщина глядь заливных лугов, хищно и лениво разворачивалось «крыло» американских самолетов. По-нашему, по-лыцки – «звено». Впереди шёл разведчик, беременный подвесными баками и контейнерами с аппаратурой. Его сопровождала группа прикрытия. Акульки морды, чёрно-жёлтые стабилизаторы. Реакционный и богопротивный блок НАТО, науськанный баклужинской демократией, настойчиво искал повода нанести удар по православному социалистическому Лыцку.

Анчутка вскинулся на задние лапки и встревоженно повёл личиком. В какой он хоть стороне, этот блок-пост? Вроде бы вон там...

Впереди на нежно-зелёном бугорочке маячило нечто родное и знакомое, а именно: две отвесно врытые трубы, к которым в незапамятные ещё времена приварен был жестяной щит, ныне вылинявший с лица и ржавый с изнанки. «ИЗОБИЛИЕ – ПУТЬ К ОРОШЕНИЮ!» – значилось на нём. Видимо, какое-то старое, утратившее силу заклинание.

Добравшись до исторического памятника, Анчутка присел на корточки и в изнеможении привалился круглой спинкой к тёплой рыжей трубе. Пусть не жилище, но всё-таки что-то, сделанное человеческими руками... Кстати, Анчутка уже отдыхал под этой древней конструкцией, причём совсем недавно.

«Если и впрямь водит, – уныло мыслил он, – ой, не выбраться... Нет, не люблю я леших... Дураки какие-то, даром что родня!»

А впрочем... Времена-то ведь меняются – и, как обычно, к худшему. Всей лычкой нечисти нынче трудно. Так что может, и смилуется лесная братва: поводит-поводит, а там, глядишь, проникнется сочувствием, к блок-посту дорогу укажет...

Хотя Анчутка – тоже домовый с понятиями: он бы и сам не принял помощи от леших.

Вновь смежил веки и припомнил с тоской тот неладный день, после которого всё вокруг снова пошло кувырком. Было это вроде бы на излёте лета, а год Анчутка, как водится, запомнил. Людское это дело – годы считать.

Началось с того, что на чердак к нему заявился рыжий, не внушающий доверия кот и пригласил в подвал, где должна была состояться какая-то там сходка. Анчутка, понятно, удивился. Обычно коты держатся независимо и посторонних лиц в дразги свои не посвящают. Тем более домовых, представляющих, по их мнению, прямую угрозу кошачьей вольнице. Видимо, стряслось нечто неслыханное.

Количество котов в подвале – ошеломяло. Не иначе – со всех окрестных дворов набегали. Анчутке тут же вспомнилось, что три последних дня были какие-то беспокойные. Снаружи то и дело лязгало, громыхало, стены подрагивали, да и жильцы вели себя несколько странно: лаялись до матерного хрипа, а из-за чего – даже и не поймёшь.

Чёрный облезлый котяра бандитского вида бесшумно махнул на сочащуюся влагой трубу и победно оглядел собрание.

– Когда мы стенали под игом Янаева... – завёл он навзрыд.

Кто такой Янаев, Анчутка не знал, но ему стало настолько страшно, что часть воплей домовый пропустил. Услышанное чем-то неувовимо напомнило те жуткие надрывные речи, которых он вдоволь наслушался в годы репрессий.

А кот продолжал кликушески:

– ...Девятнадцатого августа я дважды перебежал дорогу полку КГБ! Рискуя жизнью! Мурка – свидетель! Причём второй раз – в непосредственной близости от гусениц! На меня даже заорали: «Брысь, зараза чёрная!» А где, позвольте спросить, был в это время Маркиз из двадцать третьей квартиры? Почему он не возвысил своё «мяу» до гневной ноты протеста против неконституционного переворота?..

Да-да, именно так оно всё и начиналось...

Рядом с Анчуткой зашумели тяжёлые крылья, и он брезгливо приподнял левое веко. В двух шагах от него головастая серая ворона с подозрительно невинным видом выклёвывала что-то из травки, причём как бы невзначай подступала всё ближе и ближе к трубе, возле которой прикорнул сам Анчутка. Явно пыталась зайти с тыла. Надо полагать, тоже не разобралась и приняла домового за необычно крупного кота. А известно, что нет для вороны доблести выше, чем подкрасться к кошке и клюнуть её в хвост.

– Пшла!.. – прошипел Анчутка, оскорблённый до глубины души. Он вообще терпеть не мог ворон – за скандальный нрав и склонность к левому экстремизму.

Ворона подскочила от неожиданности и, забив крыльями, с хриплым заполошным карканьем отпрыгнула сразу шага на три. Людских, естественно...

* * *

На шоссе перед блок-постом Анчутка выбрался лишь во второй половине дня. Каким образом ему это удалось, он, по правде сказать, и сам не уразумел. Ясно было одно: никакой его леший по бесчисленным мысам, полуостровкам и перешейкам не водил – от лешего скоро не вырвешься.

Где-то за леском натруженно выли турбины. Чувствуя себя в безопасности, американцы разгуливали на пренебрежительно малых высотах. Ладно, пусть их...

А вот кто и впрямь то и дело угрожал Анчутке сверху – так это вороны. Картавая весть о том, что в округе бродит заплутавший домовый, подняла в воздух весь личный состав – штук пять бандформирований во главе с полевыми командирами. Вороны ложились на крыло и с гортанным карканьем пикировали на цель по очереди, причём делали это, скорее всего, из хулиганских, нежели из политических соображений. Откуда им, в самом деле, было знать, какая-токая у Анчутки платформа!

Время от времени он останавливался, приседал и, вздув шёрстку, вскидывал навстречу воздушной атаке остервенелое личико. Ворона пугалась и, истошно вопя, шарахалась от греха подальше. Пусть даже лишённый колдовских способностей, домовый вполне мог перехватить её на лету и свернуть поганке шею.

Нет, самих ворон Анчутка не боялся. Он боялся, что орущая и клубящаяся подобно бумажному пеплу стая привлечёт к нему излишнее внимание. Погранцам, допустим, домовые и прочая там нечисть – до фени, таможенникам – тем более, а вот мимо острого взора отморзков из миграционного контроля, пожалуй, и не проскочишь.

Перед блок-постом вороны рассеялись, что, однако, нисколько Анчутку не обрадовало. Уж больно поспешно они это сделали. Постановывая от нехороших предчувствий, он с опаской выглянул из-за пригорка.

Странное зрелище представилось ему: оба берега Чумахлинки располагались примерно на одном уровне, и тем не менее всё обозримое пространство, принадлежащее Лыцку, было затоплено, съедено водой, в то время как Баклужинская территория лежала сухая и тёплая. Река разлилась в одну сторону. Удивляться, впрочем, тут было нечему: то, что Баклужино и Лыцк, живут по разным календарям, тайной ни для кого не являлось.

Мост через Чумахлинку был уставлен бетонными блоками и снабжён шлагбаумами. По эту сторону похаживали рослые парни в широких брезентовых плащах колоколом и в глубоких касках. Ни лиц, ни рук – одни лишь подбородки наружу. И автоматный ствол из-под полы.

Кроме того, неподалёку от гусеничной бронечасовенки с навершием в виде креста, увенчанного пятиконечной звездой, маячила парочка чёрных ряс. Худо дело! Безошибочным зрением домового Анчутка ясно различал светлую дымку, окутывающую каждого человека. Он даже знал, что называется она аурой, и неплохо разбирался в её оттенках... Так вот у этих двоих аура была красного цвета с коричневатым отливом. Попадёшься таким в руки – пощады не жди.

Беженец затосковал и с надеждой поднял глаза на противоположный берег. Там за полосатым шлагбаумом вызывающе безмятежно прогуливались молодые люди в голубеньких рубашечках с короткими рукавами, в разномастных брючках, все без оружия. Улыбчиво жмурясь, они подставляли гладкие физиономии ласковому солнышку и вообще наслаждались жизнью. Конечно, чего им! Вон их какие акулы с воздуха охраняют.

Может, дожидаться ночи, найти досточку да и переправиться где-нибудь неподалёку? Нет, страшно. Вот если бы Анчутка умел летать... Хотя что толку! Редкая птица долетит до середины Чумахлинки – снимут влёт. А пули-то наверняка освящённые.

По мосту тоже не прошмыгнёшь... А под мостом?

А под мостом запросто мог обитать мостовой. Встреча, конечно, тоже не слишком приятная, но всё-таки не леший – в строении ютится, не в буреломе... Кстати, о строениях. Если достичь моста, колдовские способности должны, по идее, к Анчутке вернуться. То есть под полотном он уже поднырнёт невидимкой.

Тем временем двое в чёрных рясах, о чём-то, видать, переговорив, подступили к броне-часовенке и один за другим скрылись в люке. Крышка за ними захлопнулась.

Анчутка выскочил из-за пригорка на обочину, ужаснулся собственной дерзости и галоп-цем припустился к мосту, пряча личико и стараясь как можно сильнее походить на необычно крупного дымчатого кота с отрубленным хвостом.

К счастью, и по ту, и по другую сторону Чумахлинки все в этот миг запрокинули головы – над кордоном проплывал очередной стервятник с акульим рылом и чёрно-жёлтыми стабилизаторами.

* * *

Мост был бетонный, неуютный, без единого тихого закутка. Внизу всё продувалось насквозь. От воды веяло холодом – особенно здесь, вблизи левого берега, где она плескалась в каком-нибудь полуметре от шершаво-скользкой изнанки бетонных плит. Бедный мостовой... Как же он тут живёт? Впрочем, живёт ли?

Анчутка жевал ноздрями воздух, как кролик. Пахло старым бетоном, плесенью и смертью. Весь дрожа, он двинулся дальше – благо, что бегать по потолкам и прочим опрокинутым поверхностям домовой был навычен сизмальства. Хлюпала вода, играли блики. В неглубокой нише одной из опор Анчутка нашёл скорчившийся трупик мостового. Рядом с высохшим и словно бы спёкшимся тельцем лежал одноразовый шприц с последними каплями святой воды.

Самоубийство?... Поскуливая от жалости и ужаса, Анчутка обнюхал соседние ниши и вскоре обнаружил пару игл, а потом и осколки ещё одного шприца. Стало быть, ширялся мостовичок... При одной только мысли об этом шёрстка поднялась дыбом. Когда-то в чёрные времена ежовщины Анчутка и сам от большого отчаяния подкуривал втихаря ладан. Потом, правда, нашёл в себе силы завязать... Да, но колоться святой водой... Это же верная смерть! Бывает, что за месяц сторают... Зато глюки, говорят, сильнее: кое-кто даже ангела видел...

А ведь судя по всему, городской нечисти придёт скоро один большой аминь. Да и сельской тоже. Водяные все травленные: привыкли за годы химизации к промышленным отходам, а теперь вот, по слухам, сами дозу ищут – за литр кислоты реку остановят.

Оглашая гулкую подмостную полость тихими причитаниями, Анчутка добрёл почти до середины полотна (причём водная гладь внизу всё удалялась и удалялась) – потом вдруг замер и попятился. Впереди во всю ширь зернистого бетонного дна была туго натянута бельевая верёвка, пропитанная елеем. Ну не изверги, а? Одно слово – люди! И тут дорогу перекрыли... Домовой всмотрелся и приметил, что на той стороне, отступя шага на три от первой преграды, кто-то размашисто нанёс на бетон коричневой масляной краской ещё и магические знаки запрета.

Стало быть, и под мостом не пробраться... Беженцы-то, они, видать, никому не надобны: ни Лыцкой Партиархии, ни Баклужинской Лиге Колдунов.

* * *

Поскольку лыцкое левобережье по идейным соображениям переходить на летнее время отказалось, вечер здесь наступал на час раньше. Зеркала заливных лугов отражали золотисто-розовый закат. Меж корней сухого пня, намертво вцепившегося корявой пятернёй в пригорок, при желании можно было заметить кое-что, пням, как правило, не свойственное. Некий,

короче, шар, покрытый то ли мхом, то ли пухом. Время от времени этот округлый комок шевелился и удручённо вздыхал, что позволяло сделать осторожный вывод о принадлежности его к царству животных – и уж ни в коем случае не растений.

В вышине по-прежнему ныло и скрежетало. Время от времени с небес падал американский штурмовик и с тупым бычьим рёвом проходил на бреющем полёте над дальним пастбищем. Вконец распоясавшиеся милитаристы гоняли коров.

Анчутку познабливало. Старый высохший до сердцевины пенёк был чуть ли не единственным предметом в округе, возле которого беглый домовый мог прикорнуть безбоязненно. А к живым деревьям лучше даже не прислоняться. Березы – патриоты, дубы – коммуняки... Хорошо хоть травка по молодости дней своих зелена, всем довольна и в политику пока не лезет. Лезет к солнышку.

Стало быть, в Баклужино Анчутке не попасть. Даже если завтра он сумеет пробраться к терминалу и проникнуть тайком в какую-нибудь машину, направляющуюся за бугор, – всё равно ведь блок-поста не минуешь. А там досмотр... И возвращаться некуда...

Ох, люди, люди! Сначала страну развалили, теперь вот до области очередь дошла... Да и нечисть тоже хороша! Эти, к примеру, катакомбные... Откуда они вообще взялись? До путча про них никто и не слыхивал. С виду домовый как домовый, а туда же – задаётся почище лешего! Вы, говорит, советской власти задницу лизали, с органами сотрудничали... Ну, допустим, сотрудничали! А ты в это время где был? А я, говорит, в это время в катакомбах сидел...

Ну, укажите в Суловской области хотя бы одну катакомбу!

Анчутка завозился, устраиваясь поудобнее меж двух корней, и вскоре накрыло его сновидением, да таким, что хуже не придумаешь. Приснился ему старый, будь он неладен, знакомец – следователь НКВД Григорий Семёнович Этих. Сибиряк, наверное...

– Ах ты вражина... – с каким-то даже изумлением оглядев затрепетавшего во сне Анчутку, вымолвил он. – Существует, контра? Материализму перечишь, прихвостень поповский? Ты же хуже Врангеля, пр-роститутка!..

Анчутка попытался ему объяснить, что всё не так, что никакой он не прихвостень – сам, если на то пошло, от попов натерпелся при царском режиме... На коленочке вон до сих пор шрамик – кадилом огрели...

Глаза Григория Семёновича просияли нежностью.

– В попутчики набиваешься? – вкрадчиво осведомился он. – Ах ты, с-сукин кот, подкулачник... Думаешь, не знаем, в чьей ты избе обитал до семнадцатого года? Ну ничего – дай срок, покончим с троцкистами, а там и до вас чертей леших доберёмся! Всё ваше семя потустороннее под корень выведем... – Потом вроде как смягчился, смерил оком, спросил ворчливо: – Ну, и что он там, этот твой новый жилец? Так целыми днями и молчит? Может, хоть во сне бормочет? Ну там про Карла Радека, например...

* * *

Внезапно домовый почувствовал опасность – и проснулся. Противоположный берег был ещё позолочен закатом, а по этой стороне уже воровато крались от дерева к дереву сумерки лиловых денатуратных оттенков. Прямо перед Анчуткой глыбой мрака квадратилась приземистая фигура в чёрной рясе. Но что самое жуткое – вокруг фигуры, как солнечная корона в момент полного затмения, сияла косматая, нечеловечески мощная аура алого цвета.

– Кто таков? – прозвучало сверху.

– Анчутка... – прошептал домовый, понимая, что пропал. Уж лучше бы он на лешего нарвался...

Незнакомец помолчал, недоумеая. Действительно, встреча озадачивала: домовый – и вдруг на лоне природы.

– Дом, что ли, сгорел?

– Нет... – безрадостно отвечал Анчутка. – Сам ушёл...

Слова гулко отдавались над вечерней водой.

– А-а... – Незнакомец понимающе покивал. – Беженец... А чего сидишь? Собрался бежать – беги.

Анчутка всхлипнул.

– Плавать не умею...

Кажется, незнакомец усмехнулся.

– Вот и я тоже... – неожиданно признался он и, кряхтя, присел рядом. Изумлённо скрипнул от внезапной тяжести старый корень. Алая аура накрыла Анчутку, обдав не то жаром, не то холодом. Домовичок обомлел, потом осторожно скосил робкий выпуклый глазик. В тёплом прощальном полусвете, наплывающем с баклужинского берега, он теперь мог разглядеть своего соседа в подробностях.

Был этот человек сутул и грузен. Пегая борода – веником, волосы на затылке собраны в хвостик. Обширная выпуклая плешь, лицо – мрачное и в то же время брюзгливо-насмешливое. От рясы будоражаще веет ладаном и прочей наркотой. На правой стороне груди приколот деревянный орден, почему-то внушающий невольный трепет.

– А ты кто? – отважился Анчутка.

Незнакомец хмыкнул, покосился весело и грозно.

– Про Африкана – слышал?

Анчутка только ойкнул и вжался спиной в тухлявую кору пня. Слышал ли он про Африкана? Да кто ж про него в Лыцке не слышал? Его именем бесов изгоняли, не говоря уже о прочей мелкой нечисти.

– Ну, не дрожи, не дрожи... – Огромная ладонь грубовато огладила вздыбленный загривочек Анчутки, и домовый наконец рискнул открыть глазёнки. – Или это ты от холода так?

– Ага!.. – соврал Анчутка.

– А вот мы сейчас костерок разведём, – утешил страшный собеседник и поднялся, хрустнув суставами. – А то и меня тоже что-то пробирать начинает... Ну-ка, посторонись.

Анчутка поспешно отскочил от пня шага на четыре. Африкан же насупился, воздел широкие ладони и невнятно пробормотал нечто такое, от чего домовый в страхе попятился ещё дальше. Разобрать ему удалось всего несколько слов: «Из искры – пламя», – ну и, понятно: «Во имя отца и сына...»

Сухой пенё громко треснул и полыхнул – да так яростно, будто солярой на него плеснули.

– Увидят!.. – ахнул Анчутка, испуганно тыча лапкой в сторону моста, наполовину утонувшего в сумерках.

– Да и пёс с ними, – равнодушно отозвался Африкан, присаживаясь перед пламенем прямо на траву. – Они ж ещё ничего не знают... Может, я сюда на рыбалку приехал... Так значит, говоришь, Анчутка, выжили тебя из Лыцка?

Анчутка вконец оробел – и потупился. Спрашивал-то не кто-нибудь – спрашивал первый враг всей лыцкой нечисти. Не жаловаться же, в самом деле, Африкану на Африкана... Ой! А вдруг никакой он не Африкан? Мог ведь и нарочно соврать! У людей это запросто... Нет, всё-таки Африкан! Вон аура какая... с протуберанцам... Аж обжигает...

– Выжили... – с судорожным вздохом признался домовый.

– Вот и меня выжили... – задумчиво молвил тот. Помолчал и подбросил в костёр обломок гнилой хворостины. – Так что оба мы теперь, выходит, беженцы...

Бедная Анчуткина головёнка пошла кругом. Да что же это творится на белом свете? Ну ладно, домовый, допустим, сошка мелкая... Но чтобы самого Африкана? Этак, пожалуй, скоро и сатану из пекла выживут...

Анчутка хотел со страхом взглянуть на внезапного товарища по несчастью, но со страхом – не получилось. Вместо этого домовый ощутил вдруг такой прилив доверия, что даже слегка задохнулся.

– А под мостом нарочно верёвку натянули... – тут же наябедничал он от избытка чувств. – И елеем пропитали...

– Ну, а как ты хотел? – побряхтывая от неловкости, ответил ему Африкан. – Борьба идёт с вашей братией... Борьба...

– Да-а... – обиженно распустив губёшки, протянул Анчутка. – Борьба! Ну вот и открыли бы границу, раз борьба. Мы все тогда разом и ушли бы... Или уж уничтожьте нас, что ли, совсем, чтоб не мучаться... – Последнюю фразу домовый скорее прорыдал, нежели произнёс. Пригорюнился – и умолк.

Сумерки к тому времени успели перебраться и на территорию суверенной Республики Баклужино. Темнело быстро. Потрескивал, приплясывал костёр. На мосту включили пару прожекторов и принялись шарить ими вверх и вниз по течению: не пытается ли кто пересечь государственную границу вплавь. Пламя на левом берегу, надо полагать, вызывало сильнейшие подозрения и у лыцких, и у баклужинских прожектористов. Обоих беженцев то и дело окатывало ушатами света.

– Наивный ты, Анчутка, – промолвил наконец Африкан после продолжительного молчания. – Бороться и уничтожать – далеко не то же самое. Я тебе больше скажу: у нас в политике – это вообще понятия прямо противоположные... – Подбросил в огонь ещё одну гнилушку и, мудро прищурившись на пляшущее пламя, продолжал с ядовитой усмешкой: – Надо тебе, скажем, споить народ... Ну и объяви борьбу с алкоголизмом... Надо расшатать дисциплину – объяви борьбу за её укрепление... А уничтожают, Анчутка, по-другому... Уничтожают так: бац – и нету! Никакого шума, никакой борьбы... Была нечистая сила – нет нечистой силы. Не веришь – поди посмотри, вон на стенке Указ висит: нетути... Отменена с сегодняшнего дня. Число и подпись...

Он опять закричал, нахохлился и, низко надвинув пегие брови, уставился в костёр.

– Или, скажем, так... – сдавленно примолвил он как бы про себя. – Был чудотворец Африкан – нет чудотворца Африкана... М-да...

Анчутка слушал – и помаргивал. Из сказанного он мало что уразумел, поскольку в высокой политике не разбирался. Одно было ясно: плохо сейчас Африкану. Может быть, даже хуже, чем самому Анчутке.

Внезапно по костру – будто палкой ударили. Прогоревший почти уже насквозь пень ахнул и развалился, осыпав беженцев искрами и раскалёнными добела угольками. Анчутка подскочил, отряхивая шёрстку. Африкан медленно повернул голову и тяжело воззрился в исполосованный прожекторами сумрак.

– Ох, вы у меня там сейчас достреляетесь... – проворчал он, и до Анчутки дошло наконец, что кто-то из пограничников пальнул по их костру из снайперской винтовки.

– У них пули освящённые! – торопливо предупредил он.

– Да знаю... – вздохнул Африкан. – Сам и освящал...

Согнулся, став ещё сутулее, и зачем-то принялся медленно расшнуровывать высокие ботинки солдатского образца. Разулся, скрепил шнурки единым узлом и со вздохом поднялся на ноги. Повесил обувь на плечо, а потом вдруг склонился к Анчутке и, раскрыв как бы через силу глубокие усталые глаза, заглянул домовому в самую что ни на есть душу.

– Так что, дружок, дорога нам теперь с тобой – одна...

Эти произнесённые хриловатым шёпотом слова почему-то бросили Анчутку в дрожь. Веяло от них жутью... Африкан взял домового в большие ладони и, оступаясь, направился вниз, к воде. Да, но он же сам сказал, что тоже не умеет плавать! Значит где-то лодку припрятал

в камышах... Обрадоваться этой своей мысли Анчутка так и не успел, поскольку в следующий миг луч прожектора обмахнул берег, не обозначив нигде ни лодки, ни даже камышей...

«Топиться идёт!» – грянула догадка, и Анчуткино сердечко неистово заколотилось.

Ну, конечно! Назад пути – нет, вперёд – тоже... Сейчас ведь утопит! Анчутка зажмурился и, вцепившись всеми четырьмя лапками в пахнущую ладаном рясу, уткнулся в неё мордочкой, словно надеясь оглушить себя хотя бы этим слабым дурманом.

Внизу зачавкало, потом захлюпало, потянуло холодом. Вода, надо полагать, подступала всё выше и выше. Берег – крутой, стало быть, ещё шаг – и скользкое дно уйдёт навсегда из-под косялапых ступней Африкана... Но тут в отдалении грянули, отразились от речной поверхности истошные человеческие крики – и любопытство превозмогло. Анчутка не выдержал, осторожно приоткрыл один глаз – и, к изумлению своему, обнаружил, что они с Африканом почти уже достигли середины Чумахлилки.

Упрямо склонив плешь и уперев бороду в грудь, опальный чудотворец пересекал государственную границу по воде, аки посуху. Оба прожектора давно уже держали его сутулую грузную фигуру в перекрестье лучей. Из-под босых косялапых ступней Африкана при каждом шаге разбегались по наклонной речной глади сверкающие концентрические круги. Если верить слуху, на мосту творилось нечто невообразимое: беготня, суматоха... Потом, как бы спохватившись, с левого берега забил пулемёт. Первая очередь вспорола воздух совсем рядом, и Анчутка, ойкнув, снова зарылся личиком в рясу.

Африкан недовольно мотнул головой – и пулемёт заклинило. Оплетённый древесными корнями баклужинский берег был уже в десятке шагов от нарушителя.

Глава 2. Историческая справка, возраста не имеет, документ

Соперниками Лыцк и Баклужино чувствовали себя с незапамятных времён. Хаживали бесперечь стенка на стенку, а то и учиняли прелютые дрекольные бои, доходящие во дни гражданских распрей до сабельных. Однако, уже за годы первых пятилеток грамотность населения заметно возросла, кулачных и прочих физических расправ стало поменьше, сведение счетов приняло форму доносительства в письменном виде, а там и вовсе переродилось в социалистическое соревнование. Теперь же, после распада Суловской области, противостояние двух бывших районов, а ныне – держав, обрело чётко выраженный идеологический характер. Если в Лыцке к власти пришли православные коммунисты, то на выборах в Баклужино победу одержало общественно-политическое движение «Колдуны за демократию».

И это вполне естественно. Не зря ведь при царском режиме всех лыцких обывателей дразнили богомольцами, а баклужинцев – знахарями да шептунами.

Перебирая архивные документы, постоянно ловишь себя на мысли, что Лыцк и Баклужино больше всего на свете опасались как-нибудь случайно оказаться по одну сторону баррикады. В исторических памятниках первое упоминание об их вражде совпадает по времени с воцарением дома Романовых, когда Лыцк единодушно признал законным государем Михаила Фёдоровича, а Баклужино столь же решительно поддержало какого-то там по счёту Лжедмитрия... Погожим летним днём ватаги воровских казаков Заруцкого и еретицы Маришки перешли Чумахлинку и осадили бревенчато-земляные стены Лыцка. По одним данным, вёл их атаман Неупокой-Карга, по другим (менее достоверным) атаман Баловень. Однако все без исключения источники утверждают, что мятежников на Лыцк навели именно баклужинцы.

Пошады ждать не приходилось. Обычай атамана Баловня (да и прочих атаманов) забивать пленникам порох в интимные места, а затем его поджигать, был в ту пору общеизвестен. Отразить приступ также не представлялось возможным в связи с общей ветхостью городских стен и подавляющим преимуществом противника. Кроме того, кто-то из баклужинских знахарей, приставших к воровским казакам, применил разрыв-траву и с её помощью сбил засовы с крепостных ворот.

И тогда, совершенно справедливо рассудив, что заботиться пора уже не столько о бранных телах, сколько о бессмертных душах, жители причастились, исповедовались и вышли навстречу гибели с чудотворным образом Лыцкой Божьей Матери.

Дальнейшее известно. Как только шествие с пением и плачем показалось на гребне покатого земляного вала, кто-то из разбойников (тоже, как говорят, баклужинец) выпалил в икону из пищали и, что самое страшное, попал. Осаждающими тут же овладело безумие, с оружием в руках кинулись они друг на друга и, понеся крупные потери, расточились сами собой.

Впрочем, известный русский историк Костомаров сомневался в достоверности этой легенды, указывая, что нечто подобное ранее имело место при осаде Новгорода суздальцами. Упрекать его за это не стоит. При всей своей проницательности ученый просто не мог предвидеть, что в 1919 году чудо повторится. А оно повторилось. Только на сей раз чудотворная рассеяла уже не воровских казаков еретицы Маришки, а – боязно молвить! – красногвардейский полк имени товарища Марабу (возможно, Мирабо). К сожалению, опираться здесь приходится лишь на устные предания, поскольку документов, подтверждающих это ошеломительное событие, в архиве обнаружить не удалось. Скорее всего, бумаги чуть позже были изъяты и уничтожены по личному распоряжению Лаврентия Павловича Берии.

Непонятно, правда, почему малое время спустя чудотворная не обратила в бегство трёх баклужинских чекистов, пришедших изымать её из храма. Видимо, батюшка просто побоялся вынести икону им навстречу.

В годы социалистического строительства борьба двух райцентров свелась, в основном, к тому, что Лыцк и Баклужино всячески помогали советской власти ущемлять друг друга. И советская власть, как правило, шла навстречу: то с религией борьбу начнёт, то с вредными суевериями.

Единственное, что объединяло подчас давних соперников, – это глубокая неприязнь к областному центру. Собственно, всё началось с того, что Павел Первый со свойственной ему внезапностью разжаловал Баклужино с Лыцком в селения и отдал первенство – кому? Даже вспомнить неловко, что это был за городишко и как он в ту пору назывался!

Впрочем, в данном случае всё ограничилось неприязнью – до ненависти не дошло. Город Суслов был всегда настолько зауряден, что отнестись к нему всерьёз соперники не могли при всём желании. Достаточно сказать, что, когда ликующие россияне, развалив социалистическую державу, кинулись на радостях возвращать градам и весям их исконные имена, Суслов даже переименовать не удалось. До 1982 года он, оказывается, звался Бонч-Бруевичи, а предыдущее имечко, наречённое ему в сердцах Петром Первым, звучало просто непристойно. Тогда привлекли краеведов. Те подняли документы – и обнаружили, что городок известен ещё с XV века и что именовался он в ту пору опять-таки Сусловым, но только уже не в честь видного идеолога и члена Политбюро ЦК КПСС, а в честь самого обыкновенного сусла.

Два столетия подряд Лыцк и Баклужино, скрепя сердце, признавали первенство этого убогого населённого пункта – и ждали своего часа. И вот час настал. Теперь уже ни Москва, ни областной центр, ни Павел Первый не могли помешать двум суверенным государствам расквитаться друг с другом за прошлые обиды.

И первой из обид являлось пребывание в баклужинском краеведческом музее чудотворной иконы Божьей Матери Лыцкой, изъятой в своё время тремя антихристами в кожанках.

Православные коммунисты вот уже несколько раз требовали немедленного возврата святыни, на что Лига Колдунов отвечала неизменным отказом, мотивируя своё решение тем, что в момент распада области данное произведение искусства находилось на территории Баклужино и, стало быть, является достоянием Республики.

Танковое сражение возле хутора Упырники (ныне – колхоз «Светлый путч»), где, по слухам, с одной стороны участвовало девять машин, с другой – семь, ничего в судьбе иконы не изменило. Как, кстати, и артобстрел Чумахлы.

Хотя вот тут, честно говоря, как-то всё сомнительно. Ну, обстрел – это ладно, поверим, но откуда, скажите, в бывших райцентрах взяться танкам? В Суслове – да, стоит там до сих пор на окраине какая-то танковая часть, однако все машины – на месте. Американцы тоже, говорят, не продавали... Никто не продавал! Откуда же бронетехника?

Может, не было никакого сражения? А с другой стороны – как это не было? Висит же вон в Лыцком Эрмитаже батальное полотно художника Леонтия Досюды «Подвиг протопарторга», где пламенный лидер правых радикалов Лыцка Африкан в развевающейся рясе на фоне полуобрушенной водонапорной башни мечет бутылку со святой водой в заговорённую гусеницу вражеской машины! Танк, правда, изображен нечётко, в облаке пыли, и вообще чувствуется, что художник с военной техникой не в ладах. Судя по очертаниям башни и ствола, на Африкана, скорее всего, наезжает самоходное орудие «фердинанд», что, конечно же, маловероятно...

Короче, было оно или не было, но только танковое сражение возле хутора Упырники вызвало сильнейший международный переполох, и вскоре в аэропорту бывшего областного центра приземлился лайнер со специальной комиссией ООН на борту.

Православные коммунисты её, однако, в Лыцк не пустили, утверждая, что комиссия прислана с целью промышленного шпионажа, а упомянутый выше протопарторг Африкан, слышав о предстоящем визите, призвал уничтожить богопротивных империалистов ещё в воздухе, причём не поленился съездить и освятить все шесть ракет заброшенного комплекса ПВО...

И это в то время, когда очередной Президент Соединённых Штатов, вдряпавшись в очередную амурную историю, ползал с лупой по карте полушарий, не зная, кого бы ещё разбомбить!

Над бывшей Сусловской областью нависла реальная угроза стать новой горячей точкой планеты, тем более что после вступления Астрахани в НАТО и введения шестого флота США в Каспий американская палубная авиация легко могла дотянуться до любых интересующих её целей. Вскоре с борта десантного вертолётоносца «Тарава», полным ходом идущего к Лыцку по Воложке Куропатке, поднялся и произвёл посадку на столичном баклужинском аэродроме «летающий вагон». Местные дамы испятнали американцев помадой с ног до головы и забросали их цветами. А на следующий день у совершавшего разведывательный полёт «ночного призрака» чёрт знает с чего вышли из строя восемь бортовых компьютерных систем – и машина рухнула в Чумахлинку...

Теперь уже возликовали в Лыцке. Прослышав о случившемся, народ, смеясь и плача от радости, хлынул на украсившиеся флагами проспекты. Совершенно незнакомые люди обнимались и поздравляли друг друга. Единственное, что омрачало всеобщее торжество: пилот «ночного призрака» остался в живых и был, как это принято у американцев, подобран с вертолета.

В беседе с иностранным журналистом протопарторг Африкан заявил, будто разведчик уничтожен силами противовоздушной обороны Лыцка. Когда же корреспондент осведомился не без ехидства, какими именно, лидер правых радикалов надменно изрёк, что была бы вера, а сбить можно из чего угодно.

Средства массовой информации США, равно как и суверенной республики Баклужино, хранили смущённое молчание. Результаты расследования, проведённого совместно капелланами шестого флота и баклужинской Лигой Колдунов, по некоторым причинам не были предъявлены прессе.

Контакты нечистой силы вообще штука опасная – особенно когда оба вида долгое время развивались изолированно. Если наши домовые – это, согласно преданию, обрусевшие черти, то американские гремлины, судя по наколкам на предплечьях, перебрались в авиацию с флота, причём сделали это относительно недавно – в самом начале XX века. Сперва они специализировались на двигателях, а затем занялись и бортовыми приборами.

Однако в данном случае поразительно другое: ведь всего два часа стоял «летающий вагон» на бывшем выпасе (ныне – военном аэродроме Баклужино)! И этих-то двух часов гремлинам шестого флота вполне хватило, чтобы разжиться у местных домовых контрабандным ладаном! А к ладану, между прочим, тоже нужна привычка. Дозу опять же знать надо. Так что пилот «ночного призрака», можно сказать, спасся чудом.

Естественно, что разведка будущих целей была временно приостановлена, любые посадки на баклужинской территории (за исключением вынужденных) категорически запрещены, а протопарторг Африкан под горячую руку объявлен международным политическим террористом...

Глава 3. Глеб Портнягин, сорок четыре года, Президент

Левое переднее колесо отвалилось прямо на проспекте – в аккурат напротив краеведческого музея. Обретя независимость, оно ещё какое-то время бежало рядышком с лимузином, шедшим, кстати, под горку и на приличной скорости, а затем стало помаленьку забирать влево, явно намереваясь пересечь белую осевую черту и выскочить на встречную полосу движения.

Лимузин почуял потерю не сразу и захромал на утраченное колесо лишь несколько секунд спустя. Металлическая культяпка легонько чиркнула по асфальту, брызнули радужные искры – и водитель спешно затормозил.

Сталь с визгом въелась в полотно, искры (теперь уже не радужные, но ослепительно-белые) ударили, как опилки из-под циркульной пилы. Лысистый тормозной след был похож на штрих конькобежца.

Впереди раздался смачный хруст стекла. Сбежавшее колесо всё-таки лобызнулось со встречным транспортом и устремилось вспять – по прежней траектории и с прежней скоростью.

Шофёр лимузина сидел ни жив ни мёртв.

– Гриша... – послышался сзади мягкий укоризненный голос Президента. – Я в качестве кого тебя на работу брал?

Шофёр молчал. Он смотрел на неотвратимо приближающееся колесо.

– Колдунов, Гриша, мне в гараже не надо... – всё так же неторопливо и раздумчиво продолжал Президент. – У меня вон их в Парламенте – как собак нерезаных...

Колесо каким-то чудом миновало похилившийся лимузин – и сзади раздался аналогичный хруст. Не иначе вмазалось в джип с охраной.

– Ну, ладно... – с недоумением промолвил Президент. – Засомневался ты, допустим, в какой-то гайке, заговорил её... Гриш! Но ты ж ведь знал, что мимо краеведческого поедем! На что ж ты рассчитывал, не пойму...

В салоне потемнело. Снаружи к пуленепробиваемым стёклам припали, тревожно гримасничая, наводящие оторопь хари. Одна другой краше. Секьюрити...

– Ну и денек... – вздохнул Президент, открывая дверцу лимузина. Будучи рослым дородным мужчиной, он не любил замнутых пространств и всегда веселел, покидая автомобиль, о чём, кстати, прекрасно знали его приближённые. С видимым наслаждением распрямившись во весь свой изрядный рост, глава Лиги Колдунов Баклужино ополоснулся изнутри энергией и прочистил чакры. Поверх отлично сидящего костюма на нём была раскидистая аура золотистых тонов, видимая, впрочем, далеко не каждому.

– Вы целы, Глеб Кондратьич? – с почтительным страхом выдохнул референт, кое-как протиснув личико меж крутых плеч мордovorотов из охраны.

Не отвечая и даже не взглянув на юношу, Президент окинул недовольным оком окривевшую на левую фару малолитражку, и столбенеющего неподалёку владельца с монтировкой в упавшей от изумления руке. Да, ошалел мужик... Не каждому, согласитесь, дано вот так запросто поцеловаться с левым передним колесом президентского лимузина.

– Ущерб – возместить, – негромко повелел Глеб Портнягин и огляделся с самым рассеянным видом.

Рассеянность, впрочем, была кажущейся. В отличие от нас, простых избирателей, глава Баклужинской Лиги Колдунов подмечал всё – в том числе и незримое. Шагах в десяти от лимузина прямо на тротуаре неопрятно лежал кем-то выдавленный из себя раб. Портнягин помор-

щился. Вообще-то Чехов рекомендовал по капле выдавливать, а не вот так, разом... Надо будет сказать, чтоб убрали.

По той стороне проспекта шла девушка выше человеческого роста и с таким надменным лицом, что её невольно хотелось назвать красавицей. Чёрное вечернее платье, в руке кулёк с семечками... Заклятие, что ли, на эти семечки наложить? Ну куда это годится: тут специальная комиссия ООН вот-вот прибудет, а проспект – в шелухе!

Завидев припавший на переднее колесо лимузин, проходящая остановилась и в восторге уставилась на Президента. Тот в свою очередь присмотрелся и обратил внимание, что девушка щеголяет в поперечно-полосатой ауре... Однако! Ох, уж эти модницы... Сколько же она должна была закатить беспричинных скандалов своим родным и сколько бескорыстных услуг оказать заклятым врагам, чтобы создать такую вот чересполосицу? Самое забавное, что девушка не была ведьмой, то есть даже не имела возможности полюбоваться своей «тельняшечкой»...

В небе заныло, заворчал, и Президент всё с тем же рассеянным видом поднял голову. Над столицей разворачивалось звено оскалившихся по-акульки боевых самолетов. Блок НАТО готов был в любой момент защитить баклужинскую демократию от посягательств лыцкого мракобесия.

Хорошо бы намекнуть Матвеичу, чтобы он действовал в Чумахле поаккуратнее, а то сверху-то оно – как на ладони. Вон у них контейнеры какие... и все ведь с аппаратурой... со шпионской...

Президент отвернулся и с пристальным вниманием оглядел напоследок здание краеведческого музея.

– А давненько я сюда не заходил... – задумчиво молвил он и, подойдя к широкому парадному крыльцу, двинулся вверх по лестнице. Телохранители последовали за ним с полным равнодушием на мордах. Они давно привыкли к неожиданным решениям своего беспокойного патрона. Собственно, великий человек и должен быть непредсказуем.

* * *

В просторном и несколько сумрачном вестибюле музея белел мраморный бюст... Нет-нет, только не Глеба Портнягина. Во-первых, Президент был скромненький, низкопоклонства – не терпел, а во-вторых, какой же нормальный колдун позволит себя ваять? Страшно даже помыслить, что будет, попади его скульптурный портрет в чужие руки! Готовое орудие для наведения порчи.

Не следует также забывать и о тех случаях, когда порча наводится через памятники как бы сама собой. Давным-давно вычислена и неоднократно уточнена так называемая критическая масса прижизненных изваяний, превышение которой чревато параличом, слабоумием и быстрым политическим крахом – даже без вмешательства каких-либо враждебных сил.

Однако, вернёмся в вестибюль...

На обрубке гранитной колонны ехидно ухмылялась мраморная голова старого и вроде бы не слишком трезвого сатира. Именно так выглядел когда-то учитель Глеба, известный баклужинский чародей Ефрем Нехорошев. Вот его уже можно было и лепить, и высекать хоть в полный рост, поскольку двадцать четыре года назад он благополучно скончался в наркологическом отделении областной больницы им. Менделеева.

Глеб Портнягин приостановился перед бюстом и со скорбным упрёком взглянул на молочно-белые зенки учителя. Рано, рано ушёл ты, Ефрем... Вот она, водка-то... Помнится, когда Глеб, наивный, недавно освободившийся юноша, пришёл набиваться в ученики к Нехорошеву, чародей как раз выходил из очередного запоя.

– Сколдовать любой дурак сможет... – мрачно изрёк он, выслушав сбивчивые речи гостя. – Тут главное – отмазаться потом... Природа – она ж дотошной прокурора! Так и норovit, сука, под вышку подвести...

На всю жизнь запомнил Глеб эти пророческие слова и всегда соблюдал осторожность. Например, ставши Президентом, он, к изумлению Лиги, отменил далеко не все запреты – даже из тех, что наложены были ещё советской властью, хотя полномочия имел. Сапёрам, правда, разрешил ошибаться дважды, но этим и ограничился. Поэтому вечные двигатели первого рода в Баклужино до сих пор изымались точно так же, как и в Лыцке, а штрафовали за это дело, пожалуй, что и покруче.

Правоту Президента осознали, когда мировая общественность была потрясена известием о Царицынском феномене. Как позже выяснилось, тамошний мэр личным распоряжением приостановил в черте города действие закона о сохранении энергии... Нашёл, понимаешь, лекарство от энергетического кризиса! Всем мегаполисом в чёрную дыру загремели – шутка?

Вот американцы в этом плане молодцы. Что бы ни случилось – и дух соблюдают, и букву. Там у них за нарушение закона Ома или, скажем, закона всемирного тяготения высшая мера в ряде случаев светит – и никакая реанимация не отмажет.

* * *

Постояв перед бюстом, Глеб Портнягин двинулся дальше.

Позади изваяния на задней стене отсвечивало свежим лаком обширное полотно, изображающее знаменитое танковое сражение возле хутора Упырники. Композиционным центром картины, несомненно, являлась исполненная нечеловеческого напряжения фигура неизвестного чародея, преградившего путь вражеской армаде. Между воздетых ладоней героя рождалась ветвистая молния, жалящая несколько целей сразу. Определить, что это были за цели, опять-таки затруднительно, поскольку башни бронированных чудовищ буйно полыхали.

Краски – ничего себе, яркие, а вот энергетика, честно говоря, так себе... Отдать полотно на подзарядку? Да нет, бесполезно. Как только вернут в вестибюль – тут же опять и подсядет.

Крупные губы Портнягина пренебрежительно скривились, чуть не уложив в обморок директрису музея. Впрочем, старушенция и так что ни день по малейшему поводу билась в истерику.

Над дёрганным вихлявым плечиком страдалицы бледнела унылая физия референта. Мальчуган был в отчаянии. По его мнению, Президент зашёл в краеведческий исключительно ради того, чтобы лишний раз продемонстрировать окружающим редкое своё самообладание. Но ведь встречи-то уже назначены! Люди-то – ждут! Чёрт бы драл это расколдовавшееся колесо вместе с шофёром Гришей!..

Однако в данном случае побуждения высокого начальства референт истолковал неправильно в корне. Дурацкая, на первый взгляд, история со сбежавшим колесом насторожила Президента настолько, что он уже готов был отменить все назначенные на сегодня встречи и вечернее заседание Лиги впридачу.

Глава баклужинских колдунов привык доверять интуиции. А интуиция нашёптывала ему что-то нехорошее. Он ещё раз зорко оглядел вестибюль. Помещение было совершенно пустым, если, конечно, не принимать в расчёт присутствующих здесь людей. Всего лишь единожды в распахнутых дверях левого крыла мелькнул прозрачный страшок – и тут же спрятался. Надо полагать, низшая потусторонняя живность сюда вообще не заглядывает. Да оно и понятно...

Портнягин и сам давно уже ощущал биение некой неодолимой силы, исходящей из правого крыла здания. Как всегда, не заботясь о том, что о нём скажут или подумают окружающие, глава баклужинских чернокнижников воздел длань и, пошевелив пальцами, присмотрелся. Золотистая аура, окутывавшая руку, заметно выпцвела, полиняла...

Неприятно сознавать, но то, что хранилось в правом крыле, гасило колдовские способности Президента с той же лёгкостью, с какой разрушило недавно наивное заклятье шофёра Гриши, столь неумело заговорившего переднее колесо лимузина.

Преодолевая враждебные ему флюиды, Портнягин приблизился к дверям, ведущим направо, тронул скважину, шевельнул ручку.

– А косяки зачаровать не пробовали? – задумчиво спросил он.

– Шептуна вызывали... – простонала нервная старушенция, комкая морщинистые лапки перед кружевной грудью. – Тоже не смог...

Президент мрачно кивнул и проследовал в первое помещение, посвящённое первобытному колдовству, родиной которого, как известно, являлось Баклужино. Выморочная анфилада комнат гулко отзывалась при каждом шаге особым эхом, доступным лишь слуху колдуна. Пусто было в музее. Ни угланчика, ни страшка, ни барабашки.

Наконец возглавляемая Президентом группа остановилась перед тупиковой стеной, на которой одиноко висел тот самый экспонат, что распугал низшие потусторонние силы, обесцветил золотистую ауру первого чародея страны, а десять-пятнадцать минут назад лишил президентский лимузин левого переднего колеса.

* * *

Да уж, достояннице... Кому б его только сбавить?

Лыцку икону отдать нельзя – это однозначно! Хотя бы из соображений престижа и национальной безопасности. А то вынесет её тот же Африкан на поле боя – и готово дело! Все, считай, заговорённые колеса поотваливаются.

А уничтожить – скандал. Причём международный. В кошунстве обвинят, в варварстве... Даже в сатанизме.

Хотели американскому президенту подарить – не принял. Сказал: и так уже всем известно, что Баклужино в НАТО просится. Дескать, за взятку сочтут. А скорее всего, усомнился в подлинности шедевра. Что-то, видать, заподозрил.

Однажды глава Лиги Колдунов уже провернул с этой иконой совершенно блистательный политический ход, а теперь чуял нутром, что можно провернуть второй. Однако пока он ещё не знал, что это за ход, и поэтому был очень собой недоволен.

Излучаемые иконой ало-золотистые флюиды продували ауру насквозь, бросая то в жар, то в холод. Склонив нахмуренное чело и слегка выпятив нижнюю челюсть, Глеб Портнягин стоял перед образом – и мыслил.

Доска доской – а вот поди ж ты! Хотя в общем-то источник чудотворной силы известен... Икона подпитывается чувствами верующих – прямиком из Лыцка, где стараниями дважды уже не к ночи будь помянутого Африкана религиозно-партийный фанатизм достиг предельной черты.

Да, но такой резкий скачок... Раньше благодать в радиусе пробивала метров на двадцать максимум, а Гриша гнал лимузин почти по осевой... То есть колесо расколдовалось, когда от иконы его отделяло метров тридцать с гаком. Нет-нет, тут не влияние Лыцка, тут другое...

– А что, много было посетителей за последний месяц? – как бы невзначай обратился Глеб к директрисе.

Та ахнула и отшатнулась.

– Где? Здесь?.. – взявшись за сердце, переспросила она.

– Здесь-здесь...

– Трое... – Старушенция порывалась в кружевах на птичьей груди и с судорожным жеманством извлекла сложенную вчетверо бумажку. – Вот...

Президент вынул список из трепещущей лапки и изучил его внимательнейшим образом. Два интуриста и один провокатор. Причём настолько засвеченный, что непонятно, за каким вообще лешим генерал Лютый с ним возится... Нет, явно не то.

Молча повернулся – и приближённые поспешно расступились. Крупным шагом миновал стенд с муляжами ритуальных палиц, Глеб Портнягин направился к выходу, уже точно зная, о чём он сегодня будет говорить с шефом контрразведки – сразу же после вечернего заседания Лиги.

Так он, во всяком случае, полагал.

* * *

Замечено, что колдуны никогда не держат аквариума и не разводят рыбок. Многие считают, что это связано с какими-то высшими запретами, но на самом деле всё объясняется довольно просто. Ну что, скажите, за интерес возиться со стеклянной ёмкостью, когда любая комната – тоже в своём роде аквариум, в котором обитают мириады прелюбопытнейших тварей! Простые избиратели вроде нас с вами их, правда, не видят, однако дела это не меняет нисколько. Что ж теперь, и рыбок не разводить, если ты зрячий?

Наверное, каждый замечал, что от сильной усталости перед глазами начинают плавать крохотные полупрозрачные пузырьки. Прямолинейно и равномерно движутся они, никогда не меняя выбранного направления. Не пугайтесь. Просто ваши утомлённые хрусталики расслабились, и вы нечаянно проникли взглядом в астрал. А полупрозрачные пузырьки (обычно они плывут целыми гроздьями) – это всего-навсего угланчики, безобиднейшие и, кстати, весьма полезные для нас существа, поскольку питаются они отрицательной энергией. Нечто вроде потустороннего планктона.

С ними даже можно поиграть. Угланчики приковывают взгляд, заставляя следить за своим перемещением, но при этом и сами оказываются как бы у вас в плену. Резко поверните голову – и гроздь пузырьков, словно по волшебству, окажется именно в той точке, куда вы посмотрели, после чего снова двинется прежним путём. Забавляться так можно часами, но долго мучить их, право, не стоит. Пусть себе плывут куда плыли...

Другая форма пограничной астральной фауны – страшки. По сравнению с угланчиками это довольно высокоорганизованные энергетические сущности, связавшие свою жизнедеятельность с человеком. При желании их можно заподозрить в умышленном издевательстве над людьми: они передразнивают нас, подражают мимике, жестам, походке. Grimасы и кривляния страшков – преуморительны, но злого умысла с их стороны, поверьте, нет ни малейшего. Просто они таким вот образом переваривают наши чувства и воспоминания. В подавляющем большинстве страшки совершенно прозрачны, за исключением двух-трёх довольно редких разновидностей, слегка мутнеющих от перенасыщения. Именно им мы обязаны многочисленными легендами о призраках, шаровых молниях и неопознанных летающих объектах...

А вот барабашек и болтунцов ещё никто из простых избирателей разглядеть так и не смог (Глюки, разумеется, не в счёт!). Кстати, это два совершенно разных вида, лишь по ошибке слитых воедино нашими не слишком-то грамотными экстрасенсами. Болтунец (иногда его ещё называют внутренним голосом) – отнюдь не барабашка. Он не колеблет стен, не гремит посудой и не льёт воду с потолков. Болтунец, как было убедительно доказано ещё Владимиром Медведевым, питается слабыми токами, возникающими у нас в мозгу во время речевой деятельности. Смысла фраз он, понятно, не ухватывает и воспроизводит их потом как попало – безбожно перевирая и перетасовывая отдельные слова. Очень любит окутывать собой коммуникационные кабели и висит на них месяцами, лакомясь телефонной трепотней... Вспоминается один такой прискорбный случай: кто-то довольно долго стучал в КГБ по телефону, а проверили потом – выяснилось, что и человека такого нет, и номера, и адреса... А заложить успел многих.

Принято думать, что в жилище колдуна царит всегда жуткий бедлам. Ну, с внешней, материальной стороны, может быть, так оно и есть. Но вот что касается астрала, порядок у них, поверьте, идеальный. Зато у нас: у-тю-тю-тю-тю, салфеточки, скатёрочки, нигде ни пылинки, полировка сияет... А угланчики все – позаморены! А под кроватью, страшно подумать, хыка завелась! Лявры какие-то крутятся, как на вокзале! Серпентарий, короче, а не комната...

Вот если кто чародея к себе приглашал (ну там порчу снять или отсушить кого) – обратил, наверное, внимание, что гость постоянно морщится, в углы поглядывает... Бардак у нас там, господа, самый настоящий бардак!

Так что лучше бы уж молчали.

* * *

Как правило, оперативные работники из колдунов выходят хреновенькие. Может быть, именно поэтому шефом контрразведки суверенной Республики Баклужино был назначен генерал Лютый, вполне нормальный человек, одолевший, впрочем, специальные курсы прикладной магии. Допуск в ближний астрал у него, понятно, имелся, но ограниченный и без права вмешательства. Угланчики в глазах Лютого бегали постоянно, а вот вся прочая энергетика, увы, как была – так и осталась недоступна острому генеральскому взору. Это обстоятельство сплошь и рядом причиняло шефу контрразведки сильнейшие неудобства. Не в силах говорить на равных с чернокнижниками, старый служака Лютый, направляясь на встречу с Президентом, делал всегда каменное лицо, хотя и знал заранее: каменей, не каменей – всё равно раскусит.

Вот и сейчас, прикрыв за собой дверь, он не увидел, что следом в кабинет проникли два матёрых гримасничающих страшка – прямо сквозь дверное полотно. Оба, понятно, в штатском – как и сам генерал. Оказавшись в экологически идеальном аквариуме президентского кабинета, страшки малость ошалели и вроде даже заколебались, прикидывая: а не убраться ли им, пока не поздно, восвояси.

– Присаживайся, – сказал Президент.

В разрезе гардин беззвучно полыхал неоном проспект имени Ефрема Нехорошева.

Генерал сел. Страшки помедлили и тоже сели, то есть зависли в сидячих позах. Тот, что слева, – под самым потолком, в непосредственной близости от яростно сияющей люстры. Хорошо ещё, что колдуны и политики напрочь лишены чувства юмора. Будь Глеб Портнягин простым избирателем, он бы неминуемо расхохотался, наблюдая, с какими ужимками располагаются в воздухе два полупрозрачных генерала.

– Ну, и что у нас плохого? – задумчиво осведомился он, чуть откидываясь назад, чтобы получше видеть всю троицу.

Лицо контрразведчика осталось безупречно каменным, чего, к сожалению, нельзя сказать о физиономиях его энергетических двойников. Эфирная мордень правого страшка выразила крайнюю растерянность, а левый и вовсе схватился за голову. Стало быть, спросив о плохом, Президент, как всегда, попал в самую точку.

– Н-ну... что касается подготовки к встрече специальной комиссии ООН... – недовольно начал было шеф контрразведки.

Но тут Президент предостерегающе поднял ладонь – и генерал умолк, не выразив ни малейшей досады. Зато оба страшка за спиной Лютого, уловив тайное желание генерала, вскочили, ощерились и беззвучно изрыгнули матерное ругательство. Глеб Портнягин поморщился. По губам он умел читать не хуже глухого.

– Короче! – бросил Президент. – С подготовкой – порядок? В общих чертах...

– В общих чертах – порядок, – нехотя согласился Лютый.

– Тогда давай прямо к делу... Что стряслось?

Лютый ответил не сразу. На лицах его страшков выразилось тупое недоумение. Один из них даже вывалил язык, приняв вид полного кретина.

– Имел место факт нелегального перехода государственной границы по реке Чумах-линке, – сухо сообщил генерал. – Со стороны Лыцка.

– Та-ак... – заинтригованно протянул Президент и на всякий случай оглянулся. Его собственные вышколенные страшки сидели, как положено, за гардиной, но можно было поспорить, что вид у них сейчас тоже слегка озадаченный. Нелегальный переход границы? Чепуха какая-то! Беженцем больше, беженцем меньше... Что за событие?

– Кто? – отрывисто спросил Президент.

– Пока не знаем. Перехватить не удалось...

– Погоди... Что тебя, собственно, беспокоит?

– По воде перешёл, – несколько сдавленно пояснил Лютый.

Глеб Портнягин моргнул.

– Это в смысле... аки посуху?

Генерал Лютый угрюмо кивнул. Два прозрачных генерала за его спиной сделали то же самое.

– Когда?

– Полтора часа назад.

– Оч-чень интересно... – Президент нахмурился и подался поближе к столу. – Ну-ка, давай подробнее!

– Около двадцати пятнадцати по баклужинскому времени, – начал генерал, – на принадлежащем Лыцку берегу был разведён необычно большой костёр. Браконьеры таких не разводят – слишком приметно. Затем приблизительно в двадцать тридцать пять по костру с лыцкой стороны произвели предупредительный выстрел из снайперской винтовки. После чего имел место сам факт перехода...

– Внешность нарушителя... – процедил Президент, искоса взглянув на кислую физию одного из генеральских страшков.

– Фигура плотная, коренастая, – по-прежнему не меняясь в лице, деловито принялся перечислять приметы генерал Лютый. – Одет в рясу. Борода широкая, окладистая. Волосы длинные, собраны на затылке хвостом. В руках держал какого-то зверька с пушистой шерстью... С лыцкой стороны был открыт пулемётный огонь. После второй очереди ствол запыляло... Со стороны Баклужино подняли по тревоге заставу. Нарушителя обнаружить не удалось... пока...

– А что за зверёк? – перебил Президент.

Генерал помедлил. Страшки смутились.

– Трудно сказать... Таможенники утверждают: домовый... Причём дымчатый, лыцкий...

– Домовой? – не поверил своим ушам Глеб Портнягин. – Как домовый? Почему домовый? В рясе – и с домовым на руках?

Ответа не последовало.

– Думаешь, кто-то из наших, из баклужинских, вертался? – с сильным сомнением осведомился Президент сквозь зубы. – Ну-ка, давай прикинем... Водоходцев у нас в Лиге – четверо. Я границу не переходил. То есть, остаются трое... – Глеб Портнягин впился глазами в Лютого. Генерал молчал. Оба страшка со страдальческими гримасами разминали виски.

– Ну, не молчи, не молчи... Что предлагаешь?

Лютый вздохнул.

– Что тут предлагать, Глеб Кондратьич?... Проверить всех троих. Кто успел подготовить алиби – взять на подозрение.

Президент поиграл бровью, подумал.

– Хорошо, – буркнул он наконец. – Колдунами я займусь сам... А по Лыцким Чудотворцам данные есть?

Генерал утвердительно склонил седой проволочный ёжик и открыл уже было рот, однако доложить так ничего и не успел.

– Нет, не понимаю! – с искренним недоумением снова заговорил Президент. – На кой дьявол чудотворцу переться через кордон? На это вообще-то шпионы существуют... Да ещё и с домовым за компанию! Бред какой-то! Ты согласен?

Генерал был согласен. На всякий случай Портнягин взглянул на эфирных двойников Лютого. Страшки откровенно тосковали. Правый нервно зевал во весь рот. Президент посопел, поиграл желваками, потом негромко хлопнул ладонью по столу.

– Ладно... Извини, что отвлѣк. Дальше давай...

– Насколько нам известно, – скучным официальным голосом продолжил генерал, – из всего Лыцкого Митрополитбюро только три чудотворца обладают правом хождения по водам: сам Патриарх и двое протопарторгов: Африкан и Василий...

Крупное, рельефно вылепленное лицо Глеба Портнягина стало вдруг тревожным и задумчивым. Как бы в рассеянности первый колдун Баклужино коснулся пальцами лба, прикрыл веки... То ли медитировал, то ли соображал.

– Патриарх Порфирий в данный момент, по нашим сведениям, находится в агитхраме имени Путяты Крестителя, – докладывал тем временем генерал, – где освящает обновлённый иконостас красного уголка. Местонахождение Африкана и Василия пока не установлено...

– Неужели Африкан? – негромко произнёс Президент, не открывая глаз, и такое впечатление, что с затаённым страхом.

– Либо Африкан, либо Василий, – крихтя, уточнил Лютый. – Они, Глеб Кондратьич, и внешне, кстати, похожи...

– Да провались он, этот Василий!.. – внезапно рявкнул Президент, жутко раскрывая глаза.

От прилившей крови лицо его из бронзового стало чугунным. Воздух в кабинете вдруг отяжелел, как перед грозой. По углам испуганно за клубились угланчики и прочая мелкая проглядь. Под пылающей люстрой треснул ветвистый разряд, а за всколыхнувшейся гардиной поднялась яростная толкотня. Глава Лиги Колдунов на несколько секунд полностью утратил контроль над собой и над своим аквариумом.

– Успокаиваешь? – загремел он, широко разевавая львиную пасть опытного парламентария. – Какой, к чертям, Василий? Что он, вообще, может, твой Василий? По воде пройтись – до первой волны?

Далее Президент нечеловеческим усилием воли взял себя в руки – и надолго умолк. Генерал Лютый сидел чуть ли не по стойке «смирно». Страшков его нигде видно не было. Надо полагать, удрали в ужасе сквозь закрытую дверь. А может, и вовсе распались.

– Значит, так... – тяжело дыша, проговорил Президент. – Ищи Африкана. Василий меня, сам понимаешь, не интересуется. И вот тебе ещё одна наводка: чудотворная икона в нашем краеведческом...

Генерал позволил себе слегка сдвинуть брови.

– Предположительно: новая попытка похищения?

– Не знаю! – глухо отозвался Президент. На его высоком выпуклом лбу проступала испарина. – Но икона почуяла, что Африкан собирается перейти границу. Ещё днём почуяла, учти! На Василия она бы так не реагировала...

– А чем нам конкретно может сейчас навредить Африкан? – прямо спросил генерал.

Президент через силу усмехнулся.

– Если Африкан – здесь, – тихо и внятно выговорил он, глядя Лютому в глаза, – это конец всему... В том числе и нашему вступлению в НАТО... Короче, иди работай.

Генерал Лютый молча встал и направился к двери, потирая с болезненной гримаской старый шрам на запястье – явно, след от собачьих челюстей. Внезапно трубка одного из телефонов на столе Президента подпрыгнула и, перекувыркнувшись, вновь возлегла на корпус аппарата, причём неправильно. Уже взявшийся за сияющую медную ручку, генерал обернулся на звук.

– Ничего-ничего... – сдавленно успокоил его Глеб Портнягин. – Это я так, случайно...

Дождавшись, когда дверь за генералом закроется, он грозно сдвинул брови и заглянул под стол.

– Ох, дуну сейчас на тебя... – пригрозил он в сердцах. – Вот попробуй только ещё раз так сделай!

Этого крупного рукастого барабашку Президент совершенно случайно обнаружил в подвале здания МВД Республики, где тот опасно развлекался, бренча браслетами, пугая сотрудников и прикидываясь их давними жертвами. Создание привлекло Глеба редкой даже среди барабашек красотой, и он забрал его к себе в кабинет. Как и всякая одичавшая энергетика, тварь приручалась с трудом и всё время норовила нашкодить.

Глава 4. Николай Выверзнев, тридцать лет, подполковник

– М-милая... – с бесконечным терпением промычал Николай Выверзнев в телефонную трубку. – Это не главное... Главное, что я тебя люблю... И, может быть, женюсь... Но не сейчас... Со временем... Сейчас я занят...

Наушник взволнованно защебетал, но Николай уже дал отбой. За окном кабинета чёрной глухой стеной стоял первый час ночи по Баклужинскому времени. Подполковник Выверзнев отсоединил рассекреченный телефон и, повернувшись к компьютеру, вновь озадаченно сдвинул брови. Содержимое файла, мягко говоря, обескураживало.

Оказывается, Президент суверенной Республики Баклужино Глеб Портнягин и Никодим Людской, принявший при пострижении партийную кличку Африкан, в детстве были друзьями. Размолвка у них произошла после неудачного взлома продовольственного склада. Кстати, ни тот, ни другой поделщик этого события впоследствии не отрицали и честно писали в анкетах: «Был репрессирован за экономический подрыв тоталитарного режима».

Причиной неудачи Глеб Портнягин полагал шумное поведение проникшего на склад Никодима Людского. Никодим же, в свою очередь, обвинял Глеба в невнимательности на стрёме. Словом, некоторый срок спустя оба вышли на свободу с чистой совестью и лютой ненавистью друг к другу. Трудно сказать, в какой мере это определило их политическую ориентацию, но только Никодима сразу же после освобождения резко повело в левый экстремизм (считавшийся тогда правым), а Глеба, соответственно, в правый (считавшийся левым).

Неистово борясь друг с другом, оба довольно быстро обрели известность, а тут как раз содружество Независимых Государств области приказало долго жить. В районе – да и повсюду – грянули погромы, незаметно переросшие затем в предвыборную кампанию, и два бывших поделщика внезапно обнаружили, что уже тягаются – ни много, ни мало – за президентское кресло. На выборах в Баклужино, как известно, верх взяли демократически настроенные колдуны, и протопарторг Африкан, спешно перешедший на нелегальное положение, был вскоре объявлен ими лыцким шпионом, каковым, возможно, и являлся.

Погорел он на попытке похищения образа Богородицы Лыцкой из Баклужинского краеведческого музея. Все старания колдунов зачаровать в помещении замки и оконные решётки к успеху не привели. Однако протопарторга опять выдал шум, что наводит на мысль о невинности Глеба Портнягина в той давней совместной неудаче. Видимо, взломщик из Африкана изначально был нулдышник.

О случившемся доложили Президенту, и тот приказал завтра же утром доставить задержанного в свой кабинет. Однако встретиться бывшим друзьям было не суждено, поскольку на рассвете протопарторг поистине чудесным образом бежал прямо из камеры предварительного заключения. На охранников напал необоримый сон, решётки и двери отверзлись, и некий светлый муж, личность которого так и не удалось установить, вывел Африкана за руку из темницы, после чего оба исчезли на глазах у потрясённых свидетелей...

Подполковник Николай Выверзнев вздохнул и потянулся к внутреннему телефону.

– Слушаю... – недружелюбно отозвалась трубка голосом шефа.

– Толь Толич! А ты уверен, что мы его не завербовали?

– А в чём дело?

– Да знаешь ли, побег у него какой-то подозрительный...

В наушнике сердито посопели.

– Никто его не завербовывал, – буркнул наконец генерал Лютый. – Сам бежал...

– Точно?

– Точно...

– Ладно, извини...

Подполковник Выверзнев положил трубку, и, недоверчиво покачав головой, снова обратился к монитору. Следующий файл был посвящен деятельности Африкана за кордоном, и никаких неожиданностей не преподнёс.

Когда и где незадачливый взломщик пересёк государственную границу – неизвестно, но Лыцкая Партиархия встретила его с распростёртыми объятьями. Будучи с ходу введён в Митрополитбюро, немедленно призвал к уничтожению светофоров, экстрасенсов, и лично Глеба Портнягина. Основал и возглавил движение правых радикалов, организовал группу СМЕРК («Смерть колдунам!»), принял персональное участие в танковом сражении близ хутора Упырники. Далее шли подробности знаменитого подвига протопарторга, которые подполковник со спокойной совестью пробросил, поскольку сам являлся одним из соавторов этого легендарного сражения.

Совсем недавно стараниями Глеба Портнягина протопарторг был объявлен международным политическим террористом, после чего любовь лыцкого народа к чудотворцу вспыхнула сильнее прежнего, а Партиарх Всего Лыцка Порфирий назначил Африкана своим преемником...

Николай снова снял трубку.

– Толь Толич, а ты уверен, что это вообще Африкан?

– Я – нет... – ворчливо ответил Лютый. – А Кондратьич – уверен...

– Какой смысл Африкану возвращаться в Баклужино? Да ещё вот так, в открытую! Он что, самоубийца?

– А хрен его знает! – с досадой откликнулся генерал. – Работай давай...

Третий файл содержал характеристики и подробное описание всех чудес, совершённых протопарторгом – с выкладками и чертежами. Хотя в данный момент Николая интересовало всего одно чудо, а именно – сегодняшнее... нет, уже вчерашнее пересечение пограничной реки Чумахлилки...

Тут ожил и замурлыкал второй городской телефон. Выверзнев не глядя снял трубку, однако стоило ей только оторваться от корпуса, как из наушника посыпался знакомый взволнованный щебет. Лицо красавца подполковника выразило смятение, затем – беспощадность и наконец – стоическую покорность судьбе.

– М-милая... – с бесконечным терпением в голосе молвил он. – Как ты меня нашла?

Дело в том, что по этому номеру с Николаем поддерживали связь исключительно осведомители.

– Великолепен!.. – пронзительно зачирикало в наушнике. – Ты был просто великолепен!..

– Я не о том... – с трудом сдерживаясь, процедил он. – Кто тебе дал этот номер?

– Пёсик!.. Мой пёсик!.. Ты дал мне не только номер!.. Ты дал мне...

Николай негромко чертыхнулся и, отложив щебечущую трубку на стол, вырубил компьютер. Запер кабинет и, пройдя гулким пустым коридором, рванул узкую окованную железом дверь.

– Мышей не ловите! – сурово сказал он встрепенувшемуся и крепко заспанному сотруднику. – Там болтунец на проводе повис! Второй раз уже врезается... Специалисты хреновы!

Сотрудник испуганно заморгал, раскрыл чемоданчик и начал торопливо раскладывать рамки, прутики, прочие колдовские причиндалы. Николай прикрыл дверь и недовольно оглядел пустой коридор. Кабинет генерала Лютого был в двух шагах.

* * *

– Присутствовать – разрешишь?

Генерал Лютый был в кабинете не один – с Матвеичем. Подготовка к встрече специальной комиссии ООН шла полным ходом. Столица заранее сияла чистотой, а в пограничную с Лыцком Чумахлу направили два гусеничных крана с гирями – для сноса частного сектора на восточной окраине.

– Проходи, садись, – буркнул генерал и снова повернулся к ответственному за акцию. – Значит, ты понял, Матвеич? Главное – осколков, осколков побольше накладывать...

Подполковник Выверзнев огляделся и присел на один из расставленных вдоль стены стульев, сильно надеясь на скорое окончание беседы.

– Да осколки уже на месте... – чуть ли не позёвывая, отвечал генералу выдавший виды Матвеич. – С полигона ещё вчера полторы тонны завезли...

– Ржавые? – с подозрением спросил Лютый.

– Ну зачем же ржавые? – слегка обиделся тот. – Когда это Матвеич ржавь поставлял? Первый сорт осколочки – чистенькие, аж скрипят...

– Ладно, верю. Теперь – в-шестнадцатых... Работа с населением... Протестов не было?

Матвеич пожал мятыми плечами и возвёл скупающие глаза к высокому потолку – то ли припоминая, то ли дивясь наивности начальства.

– Да какие там протесты, Толь Толич? – молвил он с ленивой укоризной. – Как слышали, что американцы заново всё отстроят, сами чуть ломать не принялись. Еле удержали...

– Вот это правильно, – подумав, одобрил генерал. – Это ты, Матвеич, молодец, что удержал. И чтобы впредь никакой самодеятельности... Да скажи: пусть не жадничают! Нам же ещё наверняка гуманитарную помощь подкинут... А то, не дай Бог, мебель, утварь начнут вывозить... И – в-семнадцатых. Когда мы ооновцев этих туда доставим, надо, понимаешь, организовать сломанную песочницу и чтобы в ней маленькая девочка с чем-нибудь таким играла... Ну, не с боеголовкой, конечно... С обломком стабилизатора, что ли...

– Организуем... – со вздохом согласился покладистый Матвеич. – Дело нехитрое...

Без особого интереса разглядывая большой портрет Ефрема Нехорошева, что висел над столом генерала, Николай рассеянно подумал, что разговор пора бы уже и закруглять. Матвеич – мужик надёжный. Вон сколько властей пережил – и ни одного серьёзного нарекания. Только вот без лёгкой выволочки его всё-таки отпускать не следует...

– Золотой ты работник, Матвеич, – как бы подслушав мысли подполковника, подвёл итог генерал Лютый. – А пьёшь много.

– Норму знаю... – равнодушно отозвался тот, несколько не удивившись внезапному повороту беседы. Подобные упрёки он опять-таки слышал при всех властях.

– Норму он знает! – усмехнулся шеф контрразведки. – А у кого чёртик зелёный из правого кармана выглядывает?

Матвеич недоверчиво взглянул на генерала, потом, видать, вспомнил, что у Лютого есть допуск в пограничный астрал, и с тревогой проверил правый карман пиджака.

– Не, нету... – с облегчением сообщил он.

– Есть, есть... – сказал генерал. – Просто ты его пока не видишь, а я уже вижу... Ладно, иди... И уменьшай рацион, Матвеич, уменьшай... Сгоришь ведь на работе! И креститься прекращай... публично... Ты ж не в Лыцке, ты в Баклужино!

Не выразив ни малейшего волнения на помятом и ношеном – под стать пиджаку – личике, Матвеич поднялся с кресла и неспешно двинулся к выходу. Уменьшать рацион пошёл...

– Запугал мужика... – не без иронии заметил Выверзнев, когда дверь за Матвеичем закрылась.

– Его запугаешь... – ворчливо откликнулся Лютый. – Что у тебя?

Николай пересел на тёплый стул, только что освобождённый Матвеичем, и проникновенно взглянул на шефа.

– Толь Толич! Ну ты установку хотя бы уточнить можешь?

– Не могу.

– Нет, ну вот что я должен конкретно сделать? Уничтожить Африкана? Арестовать Африкана?

– Прежде всего найти Африкана.

– Хорошо. Нашёл. Дальше!

– Ты найди сначала...

– Да Толь Толич! Мне же сейчас ребят в засаду сажать! Их же проинструктировать надо...

Ну вот появляется Африкан в краеведческом, лезет прямиком к чудотворной. Вязать его?

– Вязать.

– Ладно. Стали вязать. Не вяжется... Открывать огонь на поражение?

– Стоп! Почему не вяжется?

– Н-ну... чудотворец ведь... Опять же икона рядом...

– Но ведь в прошлый-то раз – повязали.

– Сравнил! В прошлый раз! Да кем он тогда был? Главарём подполья... Ни авторитета, ни поддержки! А теперь? Чуть ли не первый чудотворец региона! Ну ты сам прикинь...

Генерал Лютый с крайне утомлённым видом отёр сначала одну бровь, потом – другую.

– Достал ты меня, Коля... – искренне признался он. – Чего ты хочешь-то?

Подполковник Выверзнев поскуchnел, закручинился.

– Может, подойти ещё раз к Кондратычу, уточнить...

– А кто подходить будет? – с живым любопытством спросил генерал Лютый.

– Ну не я же!..

– Значит я, да? – Ласково глядя на Николая Выверзнева, генерал покивал мудрой сидящей головой. – Не, Коль, не прокатит, даже не надейся... Не в духе сейчас Кондратыч, а на часах уже, глянь, начало второго. Ещё, не дай Бог, опетушит спросонья – одним заклинанием... Другие вопросы есть?

Страдальчески сморщась, Выверзнев почесал переносицу.

– Знаешь, если честно... В гробу я видал этого Африкана! А вот Кондратыч... Они ж ведь в детстве друзья были...

– Мало ли что были! Теперь-то – враги...

– Враги... Вражда – это, знаешь, продолжение дружбы иными средствами. Шмальнёшь ненароком – потом всю жизнь не отмоёшься... Толь Толич! Нутром чую: что-то здесь не то... Ну на кой ему ляд было устраивать весь этот цирк на воде? Рядом с мостом! На свету... А домовый? Вот ты можешь себе представить второе лицо Лыцкой Партиархии с домовым на руках?..

Генерал Лютый посмотрел на расстроенного вконец Николая, вздохнул, поднялся и, обогнув стол, ободряюще потрепал по плечу.

– Коль, – жалобно сказал он, – ну ты сам подумай: кого мне ещё бросить на Африкана?.. Только тебя. Дело-то, видишь, сложное, ответственное... – Как-то незаметно он поднял подполковника со стула, приобнял дружески и, продолжая заговаривать зубы, повёл к дверям. – Вот, послушай: ловили мы однажды маньяка-террориста... Представляешь, взрывал скрипичные квартеты! Причём заряды, гад, закладывал – крыши с театров сносило... И с кем мы тогда только не консультировались! С психиатрами, с музыкантами... А потом оказалось: нормальный антисемит... Так что, может, и здесь всё просто...

С этими словами он выставил Николая в коридор и прикрыл за ним дверь. Тот выматерился вполголоса, но, делать нечего, пошёл к себе. Рассказанная шефом байка несколько его не успокоила. Кто-кто, а уж Николай Выверзнев доподлинно знал, что до распада Суловской области Толь Толич был участковым и, стало быть, вести дела о террористических актах никак не мог.

На полдороге подполковнику встретился крепко заспанный сотрудник, с недоумением взиравший на рамку в собственных руках. Рамка лениво проворачивалась то по часовой стрелке, то против оной. Процесс этот почему-то сильно напоминал позёвывание.

– Ну, что? – недружелюбно спросил Николай.

Сотрудник виновато пожал плечами.

– Да вот не нащупал пока... Может, молчит, затаился...

Выверзнев жёлчно усмехнулся и двинулся дальше. Отпер кабинет, вошёл. Лежащая на столе трубка продолжала щебетать. Возникло острое желание вернуться в коридор, притащить сюда за шиворот этого недоумка с его ублюдочной рамкой и натывать заспанной мордой прямо в чирикающий наушник.

Николай сел за стол, положил трубку и включил компьютер. Но пока тот грузился, телефон замурлыкал снова.

– Слушаю... – буркнул Николай.

– Пёсик, нас опять разъединили...

Бли-ин!.. Подполковник Выверзнев ошалело взглянул на отнятую от уха трубку. Стало быть, не болтунец... Когда же он, в самом деле, дал ей этот номер? Пьяный был, что ли?..

* * *

Посадив ребят в засаду, Николай умышленно покинул здание музея не через служебный, а через парадный ход. Прикуривая, постоял на крыльце, огляделся. Под белыми лампами фонарей мерцали вымытые со стиральным порошком влажные ещё асфальты, молочно сияла зебра перехода. Вдалеке помигивали светофоры, и Николаю вспомнилось вдруг, что в Лычке уличным движением управляют регулировщики, ибо светофор и Люцифер – один чёрт по смыслу...

На территории Баклужино успешно действовало не менее семи иностранных разведок (прочие – не в счёт). Поэтому не следовало даже надеяться, что такая серьёзная акция, как засада в краеведческом музее, не привлечёт всеобщего внимания... Можно, конечно, было бы провести её и на высшем уровне секретности, ненавязчиво внедрить ребят в музейный персонал, но вот тогда бы все и впрямь насторожились – от Лычка до Каракалпакии. Честно говоря, будь на то воля Николая – своими бы руками смастерил и повесил на парадную дверь табличку: «Внимание! В музее – засада». Специально для Африкана...

– Добрый вечер, Николай Саныч... Прогуливаетесь?..

Приподнятая светлая шляпа над серебристо опушённой лысиной и старательная, как у черепа, улыбка...

– Добрый, добрый... – улыбнулся в ответ Николай. – Вот вышел, знаете, воздухом подышать...

Ни хрена себе вечер – утро скоро! Кстати, раскланявшийся с Выверзневым старикан числился у него в списке как заведомо работающий на красноярскую разведку и, предположительно, подрабатывающий в оренбургской. Впрочем, население в суверенной Республике Баклужино было маленькое, поэтому каждый на кого-нибудь да работал. Не на тех, так на других.

Николай шёл по гулким ночным тротуарам, пытаясь не думать о порученном ему деле. Рано. Вот накопим фактов – тогда и подумаем. Гораздо полезнее было поразмыслить над тем, как это он ухитрился рассекретить свой служебный номер. Пёсик...

Нет, абсолютно точно: сам он ей номера не сообщал. Стало быть, кто-то из осведомителей... Николай мысленно проглядел список лучших своих стукачей. В той или иной степени все они были знакомы с Никой Невыразиновой. То есть номер она могла вытрясти из кого угодно. М-да, ситуация...

Стараниями Глеба Портнягина районный центр помаленьку обретал столичный лоск. Беззвучно полыхали рекламы. Бродвей. Посреди площади на низком гранитном цоколе сияла Царь-ступа. Отбитый кусок был аккуратно прислонён к чугуному тулову... Потом загремело, заклацало, и мимо Выверзнева, вырвавшись из бетонной норы, прокатил недавно пущенный скоростной трамвай – надо полагать, последний на сегодня... Точнее – на вчера... Миновав трёхэтажное розовое здание консерватории (бывшая музыкальная школа), подполковник закурил ещё одну сигарету и свернул с проспекта в переулок. Сразу же повеяло старым Баклужино. Фонари не горели. Тихо ботала по древесной фене потрёпанная чёрная листва да невидимая мелкая собачонка тявкала тоненько и отрывисто – как в бутылку.

* * *

Звонок не работал, пришлось стучать. Дверь Николаю открыл шуплый, похожий на подростка мужичок. На вид ему можно было дать и тридцать, и сорок, а со зла и все сорок пять лет. На самом же деле, безработному Максиму Крохотову, как значилось в одном из поминальничков подполковника Выверзнева, стукнуло недавно пятьдесят два года.

Сна – ни в одном глазу, что, впрочем, естественно, ибо о предстоящем визите Крохотов был предупреждён заранее.

– Здравствуй-здравствуй... – рассеянно отозвался на его приветствие Николай и, войдя, окинул утомлённым оком скудную обстановку. – Как жизнь молодая?

Поговорили о жизни, об отсутствии в ней счастья, о ценах. Выверзнев ненавязчиво предложил некую толику денег. Хозяин столь же ненавязчиво её принял.

– Пройтись не желаешь? – спросил Николай.

– С вами? – опасливо уточнил тот.

– Нет, без меня... Ночь, кстати, великолепная. Воздух, звёзды...

– А гулять долго?

– Часика полтора...

Выпроводив хозяина, подполковник запер за ним дверь и, пройдя на кухню, наглухо задёрнул ветхую занавеску. Затем с видом решившего застрелиться запустил правую руку под мышку, но извлёк отнюдь не ствол, а всего-навсего пластиковый пакет со сливками. Вскрыл, вылил половину содержимого в мисочку, установил её в центре хромого кухонного стола, снял гипсовую решётку, прикрывавшую жерло вентиляционного хода, и произвёл тихий условный свист. После чего присел к столу – и стал ждать.

Вскоре в чёрной квадратной дыре возникло мохнатое личико и опасливо повело выпуклыми глазёнками.

– Порядок, порядок... – успокоил его Николай. – Можешь не проверять... А я вон тебе эстонских сливок принёс. Ты ведь любишь эстонские?

Согнутым пальцем он подтолкнул миску поближе, и выпуклые глазёнки вспыхнули. Домовой проворно сбежал на коготках по стенке, мигом очутился на столе и, блаженно заурчав, окунул мордашку в импортный продукт.

– А Череп с Есаулом разбираться будет... – сообщил он, чмокая и облизываясь. – Есаул его в прошлой жизни на пятнадцать сребреников кинул... Это им астролог рассказал, только его уже замочили...

– Да ты поешь сначала... Поболтать успеем...

Закинув ногу за ногу, Николай курил и поглядывал на гостя с дружелюбной усталой улыбкой. Верный заветам незабвенного шефа охраны Сергея Васильевича Зубатова, он полагал дурной привычкой сразу же брать осведомителя в оборот и вытрясать из него нужные сведения... Стукача надо любить. Ты сначала с ним потолкуй, поговори по душам, узнай, не нужно ли в чём, помощи при возможности... А сведения он и сам тебе всё выложит.

Лахудриком Николай дорожил. Этот домовый, доставшийся контрразведке Баклужино в наследство от советского режима, когда-то работал на КГБ, а в 1950 году, сразу после раскола нечистой силы, был даже внедрён в ряды катакомбных. Очень любил сливки.

Размашисто вылизав миску, он утёрся, сел на корточки и, сияя глазёнками, принялся взахлёб делиться новостями:

– А Череп говорит: включаю счётчик с Ирода Антипы... А там с Ирода такое накапало! Да ещё и по курсу... Все на ушах, из Тирасполя бригада едет...

– Да ладно тебе... – благодушно прервал его Выверзнев. – Сам-то как живёшь? Давно ведь не виделись...

Честно сказать, разборки баклужинской мафии, пусть даже и осложнённые интервенцией зарубежного криминалитета, сейчас его трогали мало.

Плечики Лахудрика брезгливо передёрнулись под гороховой шёрсткой.

– Беженцы достали... – посетовал он.

– Беженцы? – с проблеском интереса спросил Николай. – Откуда?

– Да эти, чумахлинские...

– А-а... Там же завтра два квартала под снос! А что за беженцы? Люди или домовые?

– Да и те, и другие, – безрадостно отозвался Лахудрик. – Такой колхоз! Деревня – она и есть деревня... Нет, ну вот чего они сюда прутся? В Чумахле им, что ли, места мало?

Николай Выверзнев с сочувствием поцокал языком.

– А дымчатые есть?

– Лыцкие, что ли? Тоже хватает... Вроде и границу закрыли, и блок-пост заклили – нет, как-то вот всё равно просачиваются... Житья уже от них никакого! Кормильчик со своими бойцами от мафиозных структур заказы принимает – на полтергейст! Это как? Достойно?... Да никогда у нас такого раньше не было...

– А ты лыцких-то... всех знаешь?

Лахудрик запнулся. Над занавеской в чёрном окне желтела однобокая луна. Тусклая – как лампочка в подъезде.

– В столице? Н-ну, в общем, да... Кого больше, кого меньше... А кто нужен?

– Хм... – В раздумье подполковник Выверзнев смял лицо ладонью. – Пока не знаю... – признался он, отнимая ладонь. – Но кто-то должен появиться. Причём не сегодня-завтра...

Лахудрик внимательно взглянул на Николая и уразумел, что разговор уже идёт всерьёз.

– Дымчатый? – насторожённо уточнил он.

– Дымчатый... Средних размеров... И-и... пожалуй, всё. Перешёл границу этой ночью... Точнее – был перенесён... – Николай подумал. – Кем-то из Лыцких Чудотворцев. Вряд ли он станет этим хвастаться перед братвой, но может проговориться и случайно...

– Так они что? Вместе границу переходили?

– Вместе.

Лахудрик сидел неподвижно и лишь озадаченно помаргивал. То, что он сейчас услышал от подполковника, представлялось ему невероятным. Да и перетрусил вдобавок домовичок. С Лыцкими Чудотворцами шутки плохи... Плеснет святой водой – и прощай, Баклужино, здравствуй, астрал!

– А я что?..

– Ничего. Как объявится – скажешь...

Лахудрик всё ещё колебался.

Николай крикнул, нахмурился и снова потянулся к пакету.

– Ты... это... – сказал он, пододвигая миску поближе. – Ещё сливок хочешь?..

Глава 5. Африкан, сорок четыре года, протопарторг

Когда какая-то злобная мелюзга дерзнула пощекотать из-под воды левую пятку, Африкан, достигший уже к тому времени середины Чумахлинка, ощутил лёгкий испуг. Ему представилось вдруг, что вот сейчас, именно в этот миг, Партиарх Порфирий, брезгливо поджав губы, вычёркивает его из списка чудотворцев – и холодная тёмная вода тут же расступается под босыми подошвами. А плавать Африкан и вправду не умел.

Хотя, конечно, не всё так просто. Единым росчерком пера харизмы не лишишь. Пока толпа верит в своего избранника – тот не утонет ни при каких обстоятельствах. Даже когда слух об отставке достигнет людских ушей, поверят ему далеко не сразу. Должна пройти неделя, а то и две, прежде чем средства массовой информации убедят население, что народный любимец лишь прикидывался таковым. Однако и в этом случае наверняка останется какое-то количество непереубеждённых упрямцев. Разумеется, по воде при такой поддержке не прогуляешься, а вот чудо помельче можно и сотворить...

Потом с лыцкого берега полетели пули, и Африкану стало не до сомнений. Обозлившись, он проклял пулемёт, а заодно и безымянного подводного щекотунчика.

Кстати, вскарабкаться на двухметровый обрыв по вымытым из грунта извивам толстых корней оказалось куда труднее, нежели пешком в шквалах прожекторного света пересечь при пулемётном огне разлившуюся Чумахлинка. На всякий случай протопарторг, выбравшись на сушу, сразу же отвёл глаза прожектористам, и оба луча, потеряв нарушителя, слепо зашарили по берегу. От близости холодной воды поламывало суставы. Покряхтывая, опальный чудотворец присел на какую-то корягу и бережно открепил от рясы приبلудившегося домовичка.

– Ну вот... – протяжно молвил он. – Давай-ка, друг Анчутка, для начала отдышимся...

Суматоха на мосту всполошила всю потустороннюю живность. Придремавшее в кроне вербы крупное аукало, одурев спросонок, вскинулось и огласило рощицу рублеными командами, тяжким буханьем сапог, собачьим лаем... Вне всякого сомнения, там, вдалеке, баклужинцы подняли заставу в ружьё.

– Бежим!.. – вскрикнул ополоумевший от страха Анчутка.

Африкан неспешно повернулся к домовому и, вздёрнув пегие брови, оглядел его с головёнки до пяточек. Честно сказать, он и сам не понимал до конца, что его побудило взять под покровительство эту мелкую пушистую нечисть. Ну что ж... Говорят, у каждого антисемита есть свой любимый еврей. Так почему бы протопарторгу Африкану не обзавестись любимчиком из домовых?

Протопарторг насупил, снял с плеча висящие на шнурках ботинки и, как бы не слыша приближающегося шума, принялся обуваться. Порфирию о его бегстве несомненно уже доложили. А завтра Партиарху станет известно и о нынешней пограничной заварухе. Ещё день он будет колебаться, а потом... Кстати, а что потом? Как бы сам Африкан поступил на месте Порфирия? Во всяком случае, взять и объявить во всеуслышание ближайшего своего соратника беглецом и ренегатом он бы не решился...

Широкое лицо чудотворца было скорбно-задумчиво. Вокруг примыкающей к обрыву лужайки металась незримая простому люду мелкая лесная погань: заблудилки, спотыкалки, толканчики... На саму лужайку даже и не совались – отпугивала алая аура Африкана. Просунилось в развилину стволов очумелое рыльце лешего. Хозяин рощицы испуганно повёл круглыми бельмами, шевельнул вывороченными ноздрями – и сгинул. Анчутку он не заметил. Хотя будь домовичок один – нипочём бы ему не укрыться от приметливой родни.

Потом кто-то по-кабани проломился через кустарник и страшно скомандовал:

– Стой! Руки за голову!

Анчутка в ужасе схватил протопарторга за ногу, мешая шнуровать ботинок. Тот поднял голову и различил в двух шагах перед собой кряжистого отрока в каске и в бронежилете поверх пятнистого комбинезона. Потопал обутой ногой и недовольно кивнул в сторону чернеющей в сумерках осины. Пограничник тут же перенацелил автомат и, мягкой тяжёлой поступью подойдя к дереву, упёрся стволом в кору. Привычными движениями обыскал осину, нашарил сучок, нахмурился.

– Контрабанда? – недобро осведомился он. – А ну-ка документы! Куда?! Руки за голову, я сказал! Сам достану...

Африкан принялся за второй ботинок. Пограничник с угрюмым сопеньем изучал в свете фонарика сорванный с дерева нежный молодой листок.

– Справка об освобождении? Мало того, что рецидивист, так ты ещё и шпионов переправляешь?.. Говори, сука, где клиент! Где этот, в рясе?..

Потянуло лёгким ночным ветерком. Листва осины сбивчиво забормотала. Пограничник выслушал древесный лепет с тяжёлым недоверием. Тем временем через кустарник проломился ещё один пятнистый в бронежилете и, кинув быстрый взгляд в сторону товарища, проверяющего документы, устремился к берегу.

– Хлюпало! – с плаксивой угрозой в голосе взвыл он, склоняясь над обрывом. – Ну ты что ж ершей не ловишь, чёрт пучеглазый!.. Водяной, называется! Лычку продался?..

Внизу плеснуло, зашуршал осыпаящийся по крутизне песок, заскрипели, затрещали вымытые из берега древесные корни. Кто-то карабкался по круче. Вскоре на край её легла лапа с перепонками, потом показалась жалобная лягушачья морда. Глаза – как волдыри.

– Ну да, не ловлю!.. – заныл в ответ речной житель. – Я его ещё в нейтральных водах щекотать начал. Вот!.. – И, болезненно скривившись, бледный одутловатый Хлюпало (кстати, подозрительно похожий на скрывшегося от правосудия Бормана) предъявил скрюченный, сильно распухший палец, которым он, судя по всему, и пытался пощекотать нарушителя изпод воды. – Тут же судорогой свело!..

Странные какие-то пошли водяные: ни бороды, ни волос – так, какая-то щетинка зеленоватая... Бритый он, что ли?

Африкан притопнул туго зашнурованным ботинком и, кряхтя, поднялся с коряги. По всем прикидкам выходило, что статуса чудотворца его в ближайшие несколько дней лишить не посмеют.

– Лохи... – со вздохом подытожил он, не без ехидства оглядев собравшуюся на берегу компанию. – Пошли, Анчутка...

* * *

Ночь была чернее Африкановой рясы, и с такими же бурыми подпалинами. По левую руку, надо полагать, лежали невидимые пруды: там гремел сатанинский хохот лягушек. Вдали звёздной россыпью мерцала окраина Чумахлы (второго по величине города суверенной Республики Баклужино), а шагах в сорока желтели три окошка стоящего на отшибе домика. В их-то сторону и направлялся неспешным уверенным шагом опальный протопарторг. Кстати, а почему окон три, когда должно быть два? Ах, это у него ещё и дверь настежь распахнута... Не решающийся отстать Анчутка семенил рядом.

– Нельзя мне туда... – скулил он, отваживаясь время от времени легонько дёрнуть спутника за подол. – Домовой увидит, что мы вместе, братве расскажет... Свои же со свету сживут...

– А по-другому и не бывает... – дружески утешил его Африкан. – Только, слышь, мнится мне, Анчутка, никакого уже домового там нет. Ни домового, ни дворового, ни чердачного.

Протопарторг отворил калитку. Три полотнища желтоватого света пересекали отцветающий сад. Безумствовала сирень. Анчутка повёл носопырочкой, повеселел и больше за подол не дёргал. Видимо, понял, что Африкан прав: был домовый, да недавно съехал...

Переступив порожек, оба оказались в разорённой кухне, где за покрытым прожжённой клеёнкой колченогим столом сидел, пригорюнившись, сильно пьяный хозяин – волосатый до невозможности. Заслышав писк половицы под грузной стопой Африкана, он медленно поднял заросшее до глаз лицо и непонимающе уставился на вошедших. Потряс всклокоченной головой – и снова уставился. Ошалело поскрёб ногтями то место, где борода у него переходила в брови. Трезвел на глазах.

– Ну, здравствуй, Виталя... – задушевно молвил Африкан. – Узнаёшь? Вот обещал вернуться – и вернулся...

– Ты... с ума сошёл... – выговорил наконец хозяин.

– Ну, с ума-то я, положим, сошёл давно, – усмехнувшись, напомнил Африкан. – А вот в Лычке чуть было не выздоровел. Ладно спохватился вовремя! Нет, думаю, пора в Баклужино. А то, глядишь, и впрямь за нормального принимать начнут...

Протопарторг побряхтел, потоптался, озираясь. Шеи у него, можно сказать, не было, поэтому приходилось Африкану разворачиваться всем корпусом. Сорванная занавеска, на полу – осколки, сор, ключья обоев. Над колченогим столом – светлый прямоугольник от снятой картины (от иконы пятно остаётся других очертаний и поменьше)... Мерзость запустения. Обычно жильё выглядит подобным образом после эвакуации.

– А что это у тебя такой бардак? – озадаченно спросил гость. – И дверь – настезь... Разводишься, что ли?

– Зачем пришёл? – выдохнул хозяин, со страхом глядя на Африкана.

– Зачем? – Африкан ещё раз огляделся, присел на шаткий табурет. – Хочу, Виталя, кое о чём народу напомнить... Хватит! Пожили вы тут тихо-мирно при Глебе Портнягине... – Ожёл тёмным взором из-под насупленных пегих бровей. – Примкнёшь?

Пористый нос Витали (единственный голый участок лица) стал крахмально-бел. Безумные глаза остановились на початой бутылке. Судорожным движением Виталя ухватил её за горлышко и попытался наполнить небольшой гранёный стаканчик. Далее началось нечто странное и непонятное: водка с бульканьем покидала бутылку, а вот стакан оставался пустым. Вовремя сообразив, что рискует остаться вообще без спиртного, хозяин столь же судорожно отставил обе ёмкости на край стола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.